МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

ВЫЖИВЕТ ЛИ РОССИЯ В НЕРУССКОЙ СМУТЕ?

КРИЗИС ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Михаил Делягин

Кризис человечества. Выживет ли Россия в нерусской смуте?

«Издательство АСТ»

Делягин М. Г.

Кризис человечества. Выживет ли Россия в нерусской смуте? / М. Г. Делягин — «Издательство АСТ»,

Известный экономист первым предпринимает попытку обобщить актуальные проблемы кризиса, переживаемого человечеством, и выработать «правила поведения» России, которые позволят ей вновь занять достойное место в мире.В приложении приводится стенограмма обсуждения доклада М. Г. Делягина Московскому клубу.

© Делягин М. Г.
© Издательство АСТ

Содержание

Предисловие 5
Введение 8
Глава 1 10
1.1. Слишком много «умников» и информации 11
1.2. Логика теряет значение 12
1.3. Воспитание – ничто, способности – все? 14
1.4. От «человека разумного» к «человеку трущобному» 16
Пример 1 «Контрреволюция элит» вслед за «восстанием масс» 18
1.5. Распад социальной ткани 19
Глава 2 21
2.1. Знание обесценивается 22
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Михаил Делягин
Кризис человечества: выживет ли Россия в нерусской смуте

Ларисе Лебедовской и Кириллу Солонину, в гостеприимном доме которых была написана основная часть этой книги

Предисловие

Мир разбегается; добро бы еще из-под рук – из-под мозгов.

Происходящие изменения настолько быстры и неожиданны, что все силы уходят на их осмысление по отдельности.

На осознание их в комплексе не остается возможности ни у кого, – а это значит, что победителем в мировой гонке станет тот, кто первым сможет посмотреть на мир в целом.

Взглянуть как бы со стороны и ответить на вопрос: «Так что, черт возьми, у нас здесь происходит?»

Частичные ответы, касающиеся фондового рынка, проблем потребления или ремонта подержанных телефонов, больше никому не нужны. По степени адекватности они напоминают счет ангелов на острие иглы в окопах Второй мировой.

Нужен целостный взгляд и рождаемые им целостные ответы, потому что домохозяйки, президенты и банкиры спрашивают об одном и том же.

И они оказываются равны между собой по крайней мере в одном: им некому ответить.

А тех, кто не сможет найти ответа на главные вопросы времени, разорвет – процессы общественного развития разрушат их целостность, и комфорт не поможет: придется, как Алисе в стране чудес, устраивать видеоконференции с собственными ногами.

Но что я о результатах? – не только результаты, не только обобщение нынешних разнородных процессов, нет – даже по отдельности многие из самих этих процессов остаются скрытыми, непонятными и в самом лучшем случае просто непонятыми.

Мои друзья и враги, сидящие на разных континентах и в соседних квартирах, разделенные своими ценностями надежнее, чем колючей проволокой лагерей и границ, как и все мы, видят лишь эти отдельные процессы, хотя участвуют в едином процессе перехода человечества в новое качество.

А ведь их мало понять по отдельности – чтобы выжить в глобальной конкуренции (а для этого надо победить в ней, меньшего не хватит), надо обобщить их.

Данная книга не претендует на полное обобщение происходящего.

Она не дает окончательных ответов. Ее цель – описать и сопоставить хотя бы основные ключевые изменения современного человечества. На этой основе можно выявить ближайшую, неизбежно временную «точку равновесия», в которой стабилизируется человечество, и на основе понимания траектории движения к ней выработать «правила поведения» России, минимизирующие ее затраты при объективно обусловленном движении и позволяющие «выжать» из него все, что можно.

К настоящему времени человечество вошло в целый ряд разноуровневых и, возможно, разнонаправленных трансформаций. Их суть заключается **в приспособлении внутреннего устройства человечества к новым, информационным технологиям,** в ходе которого меняются все без исключения общественные установки и институты (от семьи до межгосу-

дарственной конкуренции), соответствующие прежнему, индустриальному технологическому базису.

Не только последствия, но зачастую и направления этих трансформаций остаются неизвестными для основной части не только населения, но и управляющих систем.

Наиболее важным представляется то, что **распространение компьютеров,** делающих сложные логические построения общедоступными, качественно **снижает социальное и конкурентное значение логики.**

Соответственно, происходит **повышение роли творческого, образного мышления.** Поскольку это мышление в целом более характерно для женщин, вероятным следствием станет рост их влияния на принятие как общественно значимых, так и массовых решений и, соответственно, повышение социального статуса.

В то же время сложность воспитания наиболее важных, творческих способностей **биологизирует социальную конкуренцию: успех** в ней в значительно большей степени **становится связан с** наличием или отсутствием **врожденных способностей к творчеству.**

Информационные технологии в силу своей сверхпроизводительности (по сравнению с индустриальными) **нуждаются в значительной части населения исключительно как в ресурсе сбыта, но не производства.** Результат их распространения – процессы десоциализации, то есть **ликвидации «среднего класса»** путем его люмпенизации, раздробления и превращения в разрозненные сообщества, функционирующие по биологическим, а не социальным законам. Это **разрушает как экономическую основу современной цивилизации** (так как люмпенизированный «средний класс» существенно сократит свой спрос), **так и ее политический стержень – демократию.** Ведь непонятно, кому будут служить демократические институты при уходе из-под их ног самой почвы демократии – «среднего класса». С другой стороны, неясны и будущие способы удержания в подчинении его люмпенизировавшихся представителей.

Эти же технологии стимулируют **рост внутреннего разнообразия** и, соответственно, **дезинтеграцию обществ, особенно мультикультурных.**

Информационная революция, рост значения творческого труда и распространение технологий формирования сознания сделали несоответствующими новой реальности, а значит, неадекватными и неэффективными традиционные принципы системы управления. Тем самым перестал соответствовать объективным потребностям современного человечества весь оформленный еще Вестфальским миром способ его организации, в том числе и демократия в ее традиционном западном понимании.

Благодаря качественному упрощению коммуникаций с началом глобализации сформировался и, что не менее важно, полностью осознал себя **глобальный господствующий класс – интернациональная олигархия,** или «новые кочевники».

Этот класс развил понятие индивидуальной и групповой свободы до исторического предела, переходящего в несовместимый с сохранением человечества абсурд. В частности, он не привязан прочно ни к одной стране или социальной группе и не имеет никаких внешних для себя обязательств. В результате освобождения, эмансипации от остального человечества этот господствующий класс враждебно противостоит не только экономически и политически слабым обществам, разрушительно осваиваемым им. Он с несгибаемой принципиальностью противостоит и любой национально или культурно (и тем более территориально) самоидентифицирующейся (и уже этим обособляющейся от его контроля) общности как таковой.

Нараставшая на протяжении всей второй половины XX века **интеграция** вновь, как и в начале этого века, **превысила управляющие возможности человечества, что делает неизбежным** «шаг назад» **– регионализацию.**

В политике она выразится в биполярной системе, основанной на противостоянии США и Китая с Евросоюзом, Японией, Индией и, возможно, Россией в качестве совокупного балансира.

В экономике процессы регионализации вызовут переход от финансовой системы, основанной на долларе как мировой резервной валюте, к системе конкурирующих валютных зон, каждая из которых будет иметь свою резервную и расчетную валюту (доллар, евро, юань и, возможно, какие-то еще).

Однако регионализация может быть лишь промежуточным этапом трансформации человечества. Ведь фундаментальная причина развертывающейся сейчас глобальной экономической депрессии намного глубже кризиса управления интеграцией, который порождает регионализацию. Причина глобальной депрессии – загнивание глобальных монополий в результате их победы над сдерживавшей и тем самым поддерживавшей их (в рамках диалектического единства и борьбы противоположностей) силой в лице Советского Союза.

Выход из этой депрессии требует преодоления глобального монополизма. Поскольку источник внешней конкуренции для глобального рынка принципиально отсутствует, **единственный выход – смена технологического базиса.**

Однако необходимый для этого технологический рывок заблокирован не только сознательным и бессознательным сопротивлением глобальных монополий, для которых он будет означать уничтожение в их современном виде.

Не менее важным фактором сохранения глобального монополизма служит резкое ослабление, почти исчезновение внеэкономических мотиваций (идеологий) управляющих систем, которое блокировало принципиально внеэкономический процесс создания качественно новых технологических принципов, то есть остановило технологический прогресс. *То, что мы сейчас принимаем за него, – совершенно иное явление: не создание новых технологических принципов, но коммерционализация таких принципов, наработанных еще во время «холодной войны».*

Блокирование технического прогресса сохраняет глобальные монополии, разложение которых уродует развитие всего современного человечества.

Прежде всего, оно создает **угрозу формирования** под давлением разлагающегося глобального монополизма **депрессивных форм организации** человеческих обществ и **человечества** в целом. Окостенение же глобального монополизма, его борьба за самосохранение, какое-то время неминуемо успешная, чревато чрезмерной болезненностью и, возможно, даже **катастрофичностью его разрушения** (когда придет время) под влиянием распространения новых технологий.

На этом фоне **растут системные риски человечества** в целом (ухудшение генофонда, выход на все большие природные ограничения), что в принципе делает возможным его деструкцию, значимую примитивизацию его внутренней организации, то есть десоциализацию уже на планетарном уровне, а не только в рамках отдельных обществ.

Введение
Бег во все стороны

При всей своей эффектности глобальный **финансовый кризис – лишь внешнее проявление** значительно более глубокого и масштабного, практически **всеобъемлющего изменения человечества.** *Ближайшая аналогия – относительно незначительные высыпания на коже, которые могут быть признаком глубочайших внутренних изменений организма.*

Это изменение вызвано формированием нового технологического базиса: индустриальные технологии надстраиваются и преобразуются информационными. В результате все общественные отношения, адекватные старому технологическому базису, начинают трансформацию, приспосабливаясь к новому технологическому базису. Сегодня он выглядит опирающимся на информационные технологии, и мы будем использовать именно этот термин, – однако нет уверенности, что его принципиальная трансформация закончилась и что информационные технологии не являются предвестником еще невидимого нам нового технологического уклада.

Человечество начало глобальный переход к качественно новому состоянию, к принципиально иной организации самого человеческого общества, чем та, к которой мы привыкли и с которой традиционно отождествляем себя.

Масштабность этого перехода трудно переоценить: изменению подвергаются буквально все стороны нашей жизни.

И поскольку мы склонны воспринимать их по отдельности, обособленно друг от друга, этот глобальный, всеобъемлющий переход является для нас всего лишь волной разнообразных и крайне слабо (либо вовсе не) связанных друг с другом кризисов.

Между тем глубокая взаимосвязь различных «отраслевых» кризисов представляется очевидной. Нежелание обнажить и исследовать эту взаимосвязь вызвано не только все еще отраслевым характером знания, жестко противодействующим тем самым комплексному подходу. Главная **причина интеллектуальной беспомощности – страх обнаружить, что кризисы носят более глубокий характер и требуют от нас больших изменений, чем те, которые мы готовы признать.** *Стремясь к самосохранению, обыденное сознание (в том числе массовое) инстинктивно преуменьшает масштабы изменений, фокусируясь на относительно немногом неизменном.*

Мы не столько «не видим за деревьями леса», сколько боимся его увидеть – потому что подозреваем: он будет опасным и потребует жертв, о которых мы не хотим и думать. В любом случае он будет новым – и уже поэтому неудобным. А это пугает сознание, отравленное привычкой к комфорту.

Эта естественная человеческая слабость обессмысливает всю антикризисную политику. В самом деле: **не желая думать о направлении перехода человечества** (и, кстати, не желая признавать даже сам факт этого перехода), **управляющие системы подчиняют все свои усилия заведомо обреченным на неудачу попыткам вернуться в прошлое,** войти второй раз в привычную, удобную и хорошо изученную реку.

В результате в самом лучшем случае объективно обусловленные изменения удается лишь слегка притормозить. Обычно же настойчивые и неадекватные попытки вернуться в благословенное прошлое усугубляют разрушительность стихийно протекающего перехода.

Развитая часть человечества, уверовав в неизменность роста своего благосостояния (хотя этого роста для большинства населения развитых стран уже давно не наблюдается), категорически не хочет даже признавать главной задачи современной цивилизации, поставленной

перед ней всем объективным ходом ее развития. Эта задача, насколько можно судить сего – дня, состоит в:

1. Определении направления комплексного перехода, в котором находится человечество.

2. Выявлении хотя бы основных характеристик следующей «зоны стабильности».

3. Соотнесения всех совершаемых сознательно действий с задачей наиболее быстрого и безболезненного достижения этой «зоны стабильности» (а при возможности – и ее гуманистической трансформации). Это самовлюбленное нежелание развитых стран мира, и даже США и Китая, считаться с объективным характером собственного развития дает России **нежданное конкурентное преимущество.**

Ведь, **даже только приступив к решению этой задачи, она,** в каком бы плачевном состоянии ни находилось бы ее внутреннее устройство, без каких бы то ни было дополнительных усилий, объективно **станет интеллектуальным лидером всего современного человечества.** Соответственно, она сможет заняться наиболее выгодным бизнесом: насаждением наиболее соответствующих собственным интересам норм и стандартов поведения как на макро-, так и на микроуровне. *(Не стоит забывать, что после краха коммунистической идеологии этот бизнес был глобальной монополией США, во многом обусловившей их могущество и благосостояние.)*

Данная работа представляет собой попытку начать этот интеллектуальный процесс, описав в традиционном понимании – в виде отдельных, лишь отчасти связанных между собой, кризисов – основные направления перехода со – временного человечества.

Следующие задачи, остающиеся за рамками настоящей книги, заключаются в анализе взаимодействия описанных кризисов и затем в изучении взаимодействия их возможных результатов, которое и создаст будущую «зону стабильности».

Существенно, что, поскольку мы находимся лишь в самом начале этого пути, мы можем выделить лишь некоторые его направления. Они проявляются первыми и сегодня кажутся нам ключевыми, возможно, лишь в силу своей очевидности, наглядности, а порой и болезненности. Нет никакой гарантии того, что через некоторое время, по мере прояснения общей картины, они не окажутся второстепенными или даже вовсе случайными, не имеющими отношения к развертывающимся фундаментальным процессам: к этому надо быть готовым не только исследователям глобального перехода человечества, но и читателям настоящей работы.

Глава 1
Информационная революция ломает системы управления

Структура и в целом способ организации человеческого общества определяется системой его управления. *На двух максимально отстоящих друг от друга уровнях – с одной стороны, семей и местных сообществ, а с другой, всего человечества в целом – оно принимает характер самоуправления.*

Между тем системы управления человечества в их современном, привычном нам состоянии оказываются все менее дееспособными. На наших глазах и с нашим невольным участием ее неотвратимо разрушает и трансформирует технологический прогресс, наиболее концентрированным выражением которого сегодня все еще выступает информационная революция.

1.1. Слишком много «умников» и информации

Информационный взрыв, связанный с распространением персональных компьютеров и объединением их в Интернет, уже второй раз в документированной части истории человечества – после изобретения книгопечатания Гутенбергом – **качественно и в сжатые сроки увеличил объем и скорость увеличения имеющейся информации.**

Это имело естественные социальные последствия: **качественно же увеличилось и количество людей, самостоятельно задумывающихся на абстрактные,** то есть не имеющие отношения к текущим нуждам практического выживания, **темы.** *Существенно, что знания этих самостоятельно мыслящих людей, естественно, ограничены. В результате при анализе не связанных с их повседневным опытом проблем* ***они, как правило, приходят к ошибочным выводам,*** *– которые тем не менее дороги их сердцу, как дорого нам все, являющееся продуктом наших непосредственных усилий. Поэтому устаревшая и стремительно отрывающаяся от жизни система управления уже не в состоянии переубедить этих «новых мыслителей» в ошибочности их рассуждений,* ***в том числе и в критически важных с точки зрения развития общества вопросах.*** *Это является одним из неотъемлемых, а с практической точки зрения – и наиболее серьезных проявлений ее кризиса.*

Как и во времена распространения книгопечатания, сложившиеся в прошлой реальности системы управления (включая официальную науку, выродившуюся из поиска новых истин в подтверждение нюансов истин старых) не могут переработать такой объем информации и «переварить» такую массу относительно самостоятельно мыслящих людей. В результате **они начинают «сбоить», вызывая общественные катаклизмы,** в горнилах которых и выковывается новая система организации человеческого общества. *В прошлый раз это были Реформация и чудовищные религиозные войны (стоит напомнить, что в ходе Тридцатилетней войны население Германии сократилось вчетверо), увенчавшиеся Вестфальским миром, выработавшим современный тип государства.*

Как будут развиваться текущие события, пока не ясно – ясно лишь, что основные предпосылки для переформатирования человеческого общества в основном уже сложились.

1.2. Логика теряет значение

Повсеместное **применение компьютеров качественно повышает значимость творческого труда, связанного с внелогическим мышлением,** основанным не на последовательных логических умозаключениях, а на озарениях, на мышлении не последовательно вытекающими один из другого тезисами, но отдельными образами.

Причина проста: компьютер предельно формализует логическое мышление и доводит его до совершенства, объективно недоступного обычному человеку, – примерно так же, как калькулятор доводит до совершенства использование непростых, в общем, арифметических правил. *Поколение нынешних сорокалетних еще застало время, когда учителя в школах категорически запрещали использование калькуляторов, чтобы школьники сами научились умножать и делить «в столбик». Однако сегодня это умение практически не востребовано: арифметические функции значительно лучше и надежнее человека выполняет калькулятор, а человеку остается лишь правильно сформулировать задачу.*

Таким образом, калькулятор убил арифметику как предмет изучения и поле для конкуренции. Точно так же компьютер уже в обозримом будущем – скорее всего, в ближайшее десятилетие – поступит с формальной логикой.

Эпитафия изобретателю знаменитого револьвера гласит: «Господь бог создал людей, а полковник Кольт сделал их равными». **Интернет,** как когда-то револьвер Кольта, тоже практически **уравнял людей:** уже не по их физическим силам, но **по доступу к информации. Вскоре персональный компьютер уравняет их и** по логическим способностям, а точнее **– по возможности использования логических операций.**

Это будет означать, что человек вынужден будет сконцентрировать свои усилия на принципиально недоступной компьютеру компоненте мышления, в которой сохранится «человеческая монополия», – мышлении не логическом, но творческом. Соответственно, и **конкуренция людей** в рамках тех или иных коллективов и целых обществ **будет вестись на основе преимущественно не логического, а творческого мышления.**

Это означает, что наибольшего успеха в конкуренции – как внутри обществ, так и в глобальном масштабе, – будут достигать творческие люди и коллективы, в которых доля таких людей будет максимальна, а сами они будут играть наиболее значимую роль.

И все бы ничего – согласитесь, что предыдущий абзац звучит вполне невинно и политкорректно, – если бы не общеизвестный медицинский факт: творческие люди по типу своей психологической организации, как правило, являются шизоидами.

Да, конечно, отнюдь не шизофрениками, – это совершенно разные термины для обозначения различных состояний, – но **к творческому труду максимально приспособлен,** скажем так, **неуравновешенный тип личности.** Это оборотная сторона медали. *И простые статистические данные о характере и жизненном пути творческих людей в самых разных сферах общественной жизни подтверждают это весьма убедительно.*

А вот теперь напомним, что ночной кошмар любого управленца: трудовой коллектив (если вообще не стая) шизоидов – станет в условиях отнюдь не далекого будущего объективным требованием повышения эффективности и конкурентоспособности!

Понятно, что сегодняшние системы управления, сформировавшиеся в прошлой реальности, определявшейся не информационными, но индустриальными технологиями, в принципе не соответствуют этим условиям. Мы можем утешать себя тем, что «потребность рождает функцию» и, соответственно, **управляющие системы приспособятся к новым требованиям, кардинальным образом изменившись** (правда, вопросы цены, длительности и разрушительности этого изменения остаются открытыми).

Однако, поскольку именно система управления непосредственно задает принципы организации человеческого общества и саму его структуру, принципиальное изменение ее характера будет означать и **принципиальное изменение самого общественного устройства, – а значит, и всей нашей жизни.**

*** * ***

Со спекулятивной точки зрения представляется безусловно интересным гендерный аспект рассмотренного процесса: наличие двух выраженных типов мышления – мужского, ориентирующегося в основном на формальную логи – ку, и женского, оперирующего преимущественно образами (это различие, в частности, выражается афоризмом **«мужчина узнает, женщина знает»).**

Качественное **повышение роли творческого, образного мышления автоматически повысит и социальную роль женщины,** – возможно, вплоть до завершения длительного периода мужского доминирования и возникновения «второго матриархата».

1.3. Воспитание – ничто, способности – все?

Способности к творчеству в значительно большей степени, чем традиционно значимые для конкуренции внутри человеческого общества способности к обучению и формальной логике, определяются врожденными, а не приобретенными свойствами личности.

Их тоже можно развить, но в существенно меньшей степени, чем логические способности и способность оперировать теми или иными фактами. Роль генетического фактора в способности к творчеству значительно выше социального.

Это означает, что конкуренция людей между собой и **социальный статус** каждого из них **в значительно большей, чем раньше, степени будет определяться врожденными, не поддающимися сознательной коррекции факторами.**

Качественное снижение значения социальных факторов при росте значения факторов сугубо биологических для такого «общественного животного», каким является человек, означает принципиальное изменение самого его облика.

Противоречие между личными способностями отдельного человека и его принадлежностью от рождения к той или иной социальной страте будет качественно усилено и приобретет трудно представимую сегодня остроту.

Понятно, что все силы общества будут брошены на пробуждение в детях творческих способностей, – и на этом пути будут достигнуты, вероятно, фантастические, непредставимые для нас сегодня успехи. Однако человечество вряд ли научится развивать творческие способности так же хорошо, как оно научилось развивать логические, хотя бы потому, что скорость социальных изменений оставит ему очень мало времени. Как только логика станет общедоступной и конкуренция сконцентрируется в поле творческих способностей – **социальная конкуренция, социальный отбор будут вестись на базе биологических** по своей сути **параметров.**

Стихийность творчества и реализации творческих способностей означает, что отдельный человек в значительно меньшей степени, чем сегодня, будет «творцом своей судьбы».

Произойдет «биологизация» человеческого общества; врожденная способность (или неспособность) к творчеству будет определять социальный статус молодого человека значительно сильнее образа жизни (в основном, конечно, богатства или бедности) его родителей.

Профессиональная специализация людей (и тем более их социальный статус) значительно сильнее, чем сейчас, будет определяться сугубо биологическими факторами, которые мы сегодня в силу неумения их разделить обобщенно именуем «способностью к творчеству». Человеческое общество начнет напоминать муравейник или другой коллектив насекомых, где место каждого во многом определено от рождения, а **значение собственной свободной воли значительно меньше, чем мы привыкли считать достойным для себя.**

Открытым вопросом представляется соотношение биологического и социального в социальной конкуренции. Очевидно, что более успешные и более обеспеченные люди, сформировавшие элиту (и особенно – новую, уже творческую элиту, которой предстоит разрушить и преобразовать сегодняшние системы управления), будут защищать высокий социальный статус своих детей вне зависимости от их творческих способностей. В этом им помогут биотехнологии, повышающие способности человека (и продолжительность его активной жизни), недоступные для социальных низов из-за высокой стоимости и «культурного барьера». *(Значимость последнего нельзя недооценивать: для заботы о своей жизни и жизни своих детей необходимо осознание ее ценности, а элиты обычно стремятся к ограничению самосознания управляемых как для поддержания своего лидерства, не говоря уже о власти, так и для упрощения процесса управления.)*

Если технологии будущего *high-ките'а*[1] так же надежно и массово, как сейчас они пробуждают логические способности, социальная система будет неустойчивой из-за неизбежной деградации творческого (то есть наиболее значимого) потенциала элит. не смогут пробуждать творческие способности

Изъятие из социальных низов творческих людей и принятие их в элиты (по принципу современных США) не решит проблему, так как наиболее значимые позиции все равно неминуемо будут заняты деградирующими представителями «старой» элиты. Творческие же люди, рекрутируемые «из низов», будут оставаться не более чем высокооплачиваемым обслуживающим персоналом, что достаточно быстро **превратит их в контрэлиту,** которая в борьбе за власть сможет опереться на массы, из которых ее представители недавно вышли (возможно, проявлением этой тенденции является Барак Обама).

Если же биотехнологии смогут пробуждать в людях творческие способности в нужных системе управления масштабах, **они будут применяться в первую очередь к детям элиты,** которая освободится от всякой зависимости от основной части общества и «закуклится». Ее задачей будет поддержание жизнеспособности лишь небольшой части общества, нужной для его жизнеобеспечения *(в этом принципиальное отличие информационных технологий от индустриальных, которое будет рассмотрено ниже).* Остальная масса людей будет биологизироваться, теряя человеческий облик, по образцам, наблюдаемым в трущобах мегаполисов Африки и Латинской Америки, превращаясь из «человека разумного» в «человека фавел», жизнь сообществ которого описывается не столько социальными, сколько биологическими характеристиками.

В результате произойдет практическая реализация многочисленных антиутопий прошлого (вроде «Железной пяты» Дж. Лондона). **Человечество разделится на расы господ, обслуживающего персонала и утилизируемого избыточного** человеческого **материала** *(опыт этого, помимо отдельных несистемных выплесков вроде режима Пол Пота, поставлен на территориях Африки, Латинской Америки, а совсем недавно – бывшего Советского Союза, в первую очередь в России).* Однако по социальным причинам такая система вряд ли сможет просуществовать достаточно долго: **вторичная социализация «человека фавел»** выйдет из-под контроля расы господ и, скорее всего, уничтожит ее.

Единство человечества при этом **будет восстановлено,** как и при всяком нашествии варваров, **ценой утраты производственных и социальных технологий, а также резким снижением уровня гуманизации** общества.

---

[1] современные эффективные технологии, направленные на преобразование человека, как его сознания, так и его тела. Наиболее традиционные сферы практического применения – управление, педагогика и здравоохранение. Термин введен по аналогии с high-tech'ом, под которым понимаются современные эффективные технологии, направленные на преобразование окружающей природы.

1.4. От «человека разумного» к «человеку трущобному»

Принципиально важное в социальном плане отличие информационных технологий от предшествующих им индустриальных – их качественно более высокая производительность.

Индустриальные технологии в силу своей относительно невысокой производительности нуждаются в максимальном вовлечении в стандартизированное производство максимального количества людей: всех членов рассматриваемого общества и даже членов зависимых обществ. Тем самым они являются **объективным инструментом социализации.**

Да, эта социализация насильственна и принудительна, относительно примитивна, основана на унификации личностей, нивелировании их отличий и потому объективно способствует возникновению массового общества, а то и тоталитаризма.

Однако это – исторически приемлемая цена за формирование относительно благополучного «среднего класса», за «благосостояние для почти всех», за «общество двух третей». Для индустриальных технологий каждый человек – ценнейший ресурс производства, ключевой источник прибыли, и потому его надо включить в этот процесс, выучив его, усмирив его животные инстинкты и дав ему комфортную систему мотиваций *(из которой, собственно, и вырастает общество массового потребления).*

Совершенно иную социальную среду в силу качественно большей эффективности и сложности порождают **информационные технологии.** Для их функционирования **нужна элита, обеспечивающая управление, научные исследования и культурную среду,** а также относительно **небольшое количество людей, непосредственно обеспечивающих функционирование систем жизнеобеспечения** *(в широком смысле слова, включая механизированные производства).*

Все остальные – добрые три четверти населения *(понятно, что их доля зависит как от уровня технологического развития общества, так и от национальной культуры)* – **оказываются лишними** в прямом смысле этого слова. Они не производят прибыли, и их существование является для производства (особенно работающего на экспорт, доля которого стремительно растет) чистыми издержками, непроизводительными и потому не имеющими оправдания затратами. Соответственно, **эффективное с коммерческой точки зрения развитие** общества объективно **требует их эффективной же утилизации** – если и не физической, то хотя бы социальной, снижающей до возможного минимума затраты на поддержание их биологического существования.

Это «социальное людоедство» – объективное требование нового технологического базиса: информационных технологий, неуклонно вытесняющих индустриальные.

Результат – размывание, то есть обнищание и люмпенизация «среднего класса». Его члены деградируют до полной десоциализации и превращения в живых объектов, живущих в соответствии с биологическими, а не социальными законами. Мы видим разные стадии и формы этого чудовищного процесса на постсоветском пространстве, в Восточной Европе, в Латинской Америке и Африке, а в последнее десятилетие присутствуем при погружении в него США и, в меньшей степени, «старой» Европы.

Наиболее яркий из близких к нам примеров – подлинный погром «среднего класса» после уничтожения Советского Союза. По данным ЮНЕСКО, численность людей с доходами ниже прожиточного минимума в Восточной Европе (включающей Европейскую часть бывшего СССР) выросла с 14 млн чел. в 1989 до 168 млн чел. в 1996 году – в 12 раз за 7 лет!

В Латинской Америке за 80-е годы 92 % бывшего «среднего класса» опустились на социальное дно, а 8 % вошли в круг богатых людей.

Долгосрочные перспективы и динамика этого процесса непонятны, однако нет сомнений, что переживаемый нами сейчас глобальный финансовый кризис станет, помимо прочего, могильщиком традиционного «среднего класса» индустриальных обществ.

Пример 1 «Контрреволюция элит» вслед за «восстанием масс»

Национально-освободительные революции XX века (включая Великую Октябрьскую) были проявлениями шедшей в масштабах всего человечества «революции масс», то есть их превращения в значимую политическую силу, сознающую и реализующую свои интересы. **«Революция масс» – политическое следствие формирования конвейерного индустриального производства в глобальном масштабе.** В социальной сфере она создала массовый «средний класс» и «общество всеобщего благосостояния», причем капитализм с социализмом были диалектически разделенным, но единым инструментом решения этой задачи.

Либералистическая революция, начатая Тэтчер и Рейганом, стала проявлением «контрреволюции элит», возвращающих массы в полностью подчиненное и неосознанное положение. Подобно тому, как «революция масс» стала политическим следствием глобального распространения индустриальных технологий, «контрреволюция элит» **была** не только прямой реакцией на нее традиционно господствующих классов, но и **политическим следствием распространения информационных технологий.**

В социальной сфере «контрреволюция элит» означает прогрессирующую десоциализацию, границы и сдерживающие факторы которой пока не понятны. Однако суть этого процесса – не только политическое, но и социальное, а в ряде случаев и физическое уничтожение прежних «масс». Воспринимаемые элитами в качестве своего непримиримого противника, в логике этих элит массы подлежат уничтожению, если и не физическому, то социальному, – путем превращения из «масс» в принципиально неспособное не только к революции, но даже к простому осознанию своих интересов «быдло».

1.5. Распад социальной ткани

Индустриальные технологии объективно требуют максимальной стандартизации всех факторов производства, включая рабочую силу.

В их рамках главная производственная ценность человека заключается в его стандартных навыках, позволяющих с минимальной адаптацией использовать его на самых разных, опять-таки стандартных производствах. Профессиональные навыки, столь же одинаковые, как и типоразмеры изделий, способствуют выработке и господству унифицированной, усредненной культуры – и, соответственно, единству общества.

Это касается всех без исключения особенностей, включая национальные. Крупная промышленность переваривала работников разных национальностей, стирая в своих цехах их культурные различия и переплавляя их в единую общность, не национальную, но классовую по своей природе. Идеология интернационализма отражала этот процесс и, выражая потребность производства в стирании национальных различий, мешающих созданию стандартизированной рабочей силы, была прогрессивной для индустриальной эпохи.

Возникновение и распространение постиндустриального, информационного технологического базиса кардинально меняет ситуацию на наших глазах.

Наиболее востребованными становятся (хотя в целом еще не стали) не стандартные навыки механической работы, но творческие способности. Главное условие успеха – не общие черты, обеспечивающие выполнение стандартной работы, но именно отличия.

Да, способность «выделиться из общей массы» давала конкурентные преимущества и раньше, – но в индустриальных условиях спрос на индивидуальность, ее рыночная ниша был невелика. Преуспеть, то есть найти спрос на себя, могли лишь немногие выделившиеся из общей массы, а для остальных просто не оставалось места. Господствующие индустриальные технологии обрекали их либо на отторжение и люмпенизацию, либо на возвращение в ряды стандартизированной рабочей силы.

Постиндустриальные, информационные технологии качественно расширили потребность в отличиях и **превратили особенность не только в главное, но и в общедоступное, встречающее массовый спрос конкурентное преимущество.**

Во многом этому способствовало упрощение коммуникаций, позволившее ориентироваться на почти сколь угодно маргинальный спрос, так как потребителей на значительную часть товаров можно выискивать в масштабах всей платежеспособной части человечества. То, что почти любой товар может теперь найти спрос, усиливает рыночное влияние производителей (так как производимое ими «и так возьмут») и способствует превращению рынков в «рынки продавцов». Понятно, что ведет к «загниванию» производителей, освобождающихся от давления требовательной части покупателей.

Принципиально важно, что это касается рабочей силы (и ее обладателей) так же, как и остальных товаров (и их производителей).

Если в индустриальном производстве ее конкурентоспособность достигалась за счет стирания отличий, в том числе и национальных, то теперь, **в постиндустриальных производствах интересы** той же самой **конкурентоспособности требуют** противоположного: **культивирования** этих **отличий, разнообразных особенностей носителей рабочей силы.**

Эта потребность разрушает общества в их традиционном понимании, в первую очередь мультинациональные, так как потребность в отличиях находит прежде всего этнокультурное выражение.

Непонятно, как сохранять (и можно ли вообще сохранить) целостность традиционных обществ в условиях объективно провоцируемого информационными технологиями роста сепаратизма всех видов. *Понятно, что это касается не только национального и религиозного, но*

и культурного сепаратизма, а также разрушительного для обществ навязывания им (обычно под маской политкорректности) приоритета интересов любых меньшинств как таковых, вплоть до сексуальных.

Глава 2
Технологии формирования сознания: незамеченная суть глобализации

Принципиально важно, что в ходе глобализации возник по-настоящему уникальный феномен, который не проявлялся никогда раньше, за всю наблюдаемую историю человечества.

Те же самые технологии, которые максимально упростили все виды человеческой коммуникации (что, собственно, и лежит в основе феномена глобализации), обеспечили **превращение в наиболее выгодный из общедоступных видов бизнеса формирование человеческого сознания.** «Общедоступный» и одновременно «наиболее выгодный» означает массовый и, строго говоря, основной вид деятельности если и не всего человечества, то, по крайней мере, его развитой и успешно развивающейся частей.

Это качественное изменение, как правило, упускается из виду теоретиками глобализации, хотя даже сами термины «глобализация» и «виртуальная реальность» символически вошли в научный оборот в один и тот же, 1983, год.

Между тем превращение формирования собственного сознания (или его фрагментов) в основной вид деятельности наиболее развитой и успешной частей человечества – фундаментальное явление. На наших глазах меняется сам характер человеческого развития: **если раньше, на всем протяжении своего существования человечество выживало и развивалось за счет преобразования окружающей среды, то теперь оно впервые начинает,** по крайней мере, **пытаться выживать и развиваться за счет изменения самого себя.**

Да, экологи, возможно, взвоют от восторга: человечество, вероятно, ощутив приближающиеся пределы допустимого антропогенного воздействия на природную среду, начало само приспосабливать себя к ней, – это еще больший триумф природоохранного подхода, чем добровольный массовый отказ от благ цивилизации.

Однако формирование человеческого сознания на всех уровнях его существования – от индивидуального до по крайней мере группового – осуществляется стихийно, хаотично и, строго говоря, случайно. И степень не просто соответствия реальности сформированного таким случайным образом сознания, то есть степень его адекватности, но даже степень его простой устойчивости, строго говоря, неизвестна.

2.1. Знание обесценивается

Массовое и хаотичное формирование сознания как основной вид деятельности человечества ведет к утрате или, по крайней мере, к существенному ограничению способности человечества к познанию. Ведь главным объектом хаотического и случайного воздействия становится, строго говоря, непосредственный инструмент этого познания. Это ставит серьезный вопрос о самих перспективах существования человечества, так как его главная особенность – разумность – впервые перестает быть безусловной.

Можно, конечно, представить себе, что функции познания и сознательного реагирования поднимаются на более высокий уровень, чем индивидуальное или групповое сознание, – сознание крупных коллективов и даже народов, граничащее с введенным Вернадским понятием «ноосферы». Отдельный человек теоретически может быть элементом мыслительного контура такого коллективного сознания и в то же время совершенно не замечать и не воспринимать его. Собственное сознательное значение отдельного человека для всего человечества в рамках такой гипотезы может быть ограничено генерированием эмоций – функция, к выполнению которой человек наиболее приспособлен по своим психофизиологическим характеристикам и которая, возможно, является его подлинной миссией с точки зрения всего мироздания.

Однако эта гипотеза не просто слишком смела, но и принципиально недоказуема.

Между тем вполне доказуемым и, более того, повсеместно наблюдаемым следствием стремительного и повсеместного распространения технологий формирования сознания является **драматическое снижение социальной значимости знания.**

На протяжении последних веков – как минимум с начала эпохи Просвещения – овладевание знаниями, получение новой информации об окружающем мире было если не непременным условием, то, во всяком случае, одним из ключевых и наиболее надежных способов повышения социального статуса.

Поразительно, но мы, похоже, не заметили, что уже почти два десятка лет назад глобализация отменила это правило. И сегодня **возможности социального подъема людей, занимающихся именно получением и освоением новых знаний,** хотя в разных обществах и различны, но даже там, где в целом высоки, все равно достаточно **ограничены.**

Они не могут стать ни Сахаровыми и Ландау, с личными мнениями которых приходилось считаться генсекам, ни Беллами и Эдисонами, ставшими богатыми символами своего времени. Человеческая деятельность стала настолько специализированной, что достижение социального успеха отвлекает слишком много сил и времени и превратилось в отдельное самостоятельное занятие, уже почти не совместимое с осознанием окружающего мира.

Фундаментальная причина этого (разумеется, помимо упомянутой выше дезорганизации человеческого сознания из-за превращения его в объект массового хаотического воздействия) – резкая интенсификация коммуникаций, связанная с глобализацией: вы либо постигаете истину, либо реализуете уже постигнутое кем-то помимо вас, переводя его в материальные либо социальные ценности. Это два разных вида деятельности, и успешно совмещать их крайне сложно; немногие исключения, как обычно, лишь подчеркивают правило.

Наука как самоотверженное постижение истины **переродилась в обслуживание общественных интересов** при помощи сложнейшим образом построенных ритуалов и неформальных, но от этого не менее циничных и пренебрегающих познанием мира согласований. Это необходимо, но это не является инструментом технологического прогресса. И несмотря на активное освоение существующих технологий, в том числе влияющих на общественные отношения (Интернет, мобильная связь), **уникальность глобализации проявилась** еще и в практическом прекращении появления качественно новых технологических принципов, то есть **в остановке технологического прогресса.**

Это вызвано многими факторами, которые будут разобраны ниже, но один из них – изменение механизмов **социального успеха.** Его достижение **в условиях упрощения коммуникаций и резкого роста их масштабов требует прежде всего грамотной социальной коммуникации,** умения правильно вращаться в правильно выбранных сообществах, – **а поиск истины** как таковой **лишь отвлекает,** отнимает время и силы у этого ключевого занятия.

В результате происходит жесткий отбор: кто-то специализируется на постижении знаний, кто-то – на достижении социального успеха, которое не требует теперь даже простого паразитирования на добываемых кем-то знаниях. Подобная специализация слишком глубока – она отнимает у человека, являющегося по природе относительно универсальным существом, слишком много человеческого.

С другой стороны, мы видим, что знание усложнилось и специализировалось настолько, что процесс его получения и даже усвоения требует от человека слишком больших усилий, практически несовместимых с существенным повышением его социального статуса. Грубо говоря, **вы тратите время либо на успех в обществе, либо на получение новых знаний.** И на то и на другое одновременно по вполне объективным причинам более не хватает ни времени, ни сил.

Ситуация усугубляется **изменением основной функции образования,** в том числе и высшего. **В силу растущей десоциализации** (технологические причины которой описаны выше) **ею,** как в XIX веке и как в массовом образовании XX века, **становится** обеспечение покорности, **социальный контроль** за основной массой населения развитых обществ.

Даже в науке произошло четкое разделение на администраторов, управляющих ресурсами и направляющих исследования, и самих исследователей, непосредственно пытающихся получать новые знания.

В результате **знание, наука становятся социально малозначимыми, а подготовка решений,** в том числе важнейших государственных, **все больше основывается на эмоциях и предрассудках, а не на фактах.**

Буквально на наших глазах в последние пятнадцать лет наука трансформировалась из поиска истины в сложный социальный ритуал, красивый и изощренный, но вполне бесполезный с точки зрения общественного развития. *На поверхности это ярче всего проявляется в финансировании на основе грантов, требующих заранее предсказуемого результата, в угасании прорывных исследований и в раздувании разного рода «панам» (от торсионных полей до водородной энергетики).*

Во всем мире **официальная наука превратилась** в сложный административный организм, даже **в новый социальный уклад** – не менее важный для национальных самосознаний, чем социальный уклад французских крестьян в 50-70-е годы XX века, – но в большинстве случаев еще менее полезный.

При этом фундаментальная наука, будучи задушенной или вульгаризированной, больше не восстанавливается. Фундаментальная наука, задушенная Гитлером за длительность и непредсказуемость результата, так и не возродилась в (послевоенной) Германии, несмотря на титанические усилия. После физического вымирания еще уцелевших ученых (не путать с администраторами от науки) погибнет и русская наука времен СССР. И в мире останутся только фундаментальная наука США и отдельные школы, действующие в Великобритании, – маловато для продвижения человечества и вдобавок слишком легко блокируемо глобальными монополиями, далеко не всегда заинтересованными в технологическом прогрессе.

Кризис науки маскирует собой поистине чудовищный факт: **наука как таковая перестала быть главной производительной силой.** Это шокирует, но это так. Причина проста и фундаментальна: как было показано выше, с началом глобализации *(и именно это, а не смс-сообщения и порносайты сделало глобализацию вехой в истории)* человечество перенесло

центр приложения своих сил с изменения мира на изменение самого себя – в первую очередь, своего собственного сознания.

Предметом труда, подлежащим изменению, все меньше становится окружающий мир и все больше – человеческое сознание. Соответственно, и **производство во все большей степени – изготовление уже не материальных предметов или как переходного этапа услуг, но создание и поддержание определенных,** в той или иной степени заранее заданных **состояний человеческого сознания.**

Чтобы менять мир (в том числе и социальную его составляющую), надо было его знать – и наука, обеспечивавшая это знание, была важнейшим инструментом человечества.

Но сегодня надо менять уже не весь мир, но его относительно небольшую и отнюдь не всеобъемлющую часть – самого человека. Причем на современном этапе пока еще даже не всего человека, а лишь его сознание. И соответственно, **сфера первоочередной значимости резко сжалась с науки, изучающей все сущее, до** относительно **узкого круга** людей, **изучающих** человеческое **сознание и методы работы с ним.**

Специфика предмета (объектом изучения является сам инструмент этого изучения – сознание человека), с одной стороны, в силу огромного числа запутанных обратных связей затрудняет научное его познание, а с другой – позволяет действовать на основе интуиции и ощущений. В результате среди работающих с человеческим сознанием слишком мало ученых и слишком много узких практиков, ограниченных своей профессиональной ориентацией на достижение конкретного результата. *При этом их способности в познании ограничены не только узко практической направленностью их деятельности, но и направленностью последней в том числе и на их собственное сознание, которое непрерывно трансформируется в соответствии с текущими управленческими и производственными процессами, но отнюдь не в соответствии с объективной истиной, лежащей, как правило, далеко за рамками этих процессов.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.